

ХРОНИКИ ПЕПЕЛЬНОГО ПРЕДЕЛА

ДОМ ЭЛЬМАР

ИСТОРИЯ ДОМА. ПАМЯТЬ, КОТОРУЮ ПЕРЕДАЮТ.

НОРЕЙН ЭВЕРТ

Норейн Эверт
Дом Эльмар

«Автор»

2026

Эверт Н.

Дом Эльмар / Н. Эверт — «Автор», 2026

Что остаётся от человека, когда исчезает его имя? В мире, где память хранится не в книгах, а в людях, забыть — значит потерять навсегда. Эйнен вырос в доме, где каждое дело, каждое слово и каждая семейная традиция были частью незримой нити, связывающей поколения. Но однажды исчезает Старый Хранитель Арден, и вместе с ним начинает исчезать то, что казалось незыблемым. Отправившись на его поиски, Эйнен ещё не знает, что найдёт не человека, а ответ на вопрос, который изменит всю его жизнь. Что делает дом настоящим домом? Что остаётся после тех, кого больше нет? И кто сохранит память, когда некому будет её помнить? «Дом Эльмар» — первый роман цикла «Девять опор Пепельного Предела», входящего во вселенную «Хроники Пепельного Предела». Это тихое эпическое фэнтези о семье, памяти и наследии, где судьба мира начинается не с великих битв, а с огня в домашнем очаге, неспешного труда, любви к родной земле и выбора одного человека не позволить прошлому исчезнуть.

© Эверт Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Норейн Эверт Дом Эльмар

Глава

Глава 1. Человек, которого все знали

Ночь ещё не закончилась, хотя в темноте уже чувствовалась едва уловимая перемена, приходящая незадолго до рассвета, когда воздух становится мягче, а тишина словно начинает ожидать первых звуков нового дня. Дом стоял неподвижно, храня тепло, собранное за вчерашний вечер, и только где-то глубоко в печи время от времени тихо осыпался прогоревший уголёк — звук, который скорее успокаивал, чем тревожил.

Элара открыла глаза прежде, чем проснулась окончательно, и ещё несколько мгновений лежала неподвижно, привыкая к темноте комнаты, где давно могла бы ориентироваться с закрытыми глазами. За долгие годы она научилась узнавать дом по звукам так же хорошо, как узнают голос близкого человека, и сейчас всё было таким, каким должно быть: за стеной никто не ворочался, ветер не тревожил ставни, а старые балки лишь изредка отзывались тихим потрескиванием.

Она повернула голову.

Рядом ровно дышал Альдрин, положив руку поверх одеяла, как делал всегда. Даже во сне его лицо сохраняло ту же внутреннюю собранность, с которой он встречал каждый день. Элара бесшумно поправила край одеяла, сползший к его плечу, и посмотрела на детей.

Эйнен во сне снова сбросил покрывало почти до пояса и лежал, уткнувшись лицом в подушку, словно всю ночь кого-то догонял. Лира, напротив, свернулась клубочком, крепко прижимая к себе старую тряпичную куклу, когда-то сшитую матерью Элара.

Ещё немного посидев, вслушиваясь в их ровное дыхание, Элара осторожно спустила ноги на прохладный пол. Она давно знала, куда поставить ступню, чтобы доски не отозвались скрипом. Набросив на плечи тёплую шаль, тихо вышла из комнаты и аккуратно прикрыла за собой дверь.

На кухне было темнее. Сквозь щель между ставнями пробивалась лишь тонкая полоска серого неба.

Элара открыла заслонку печи и присела перед устьем. Под лёгкой золой ещё теплились вчерашние угли. Она осторожно раздвинула их кочергой, добавила несколько лучинок и тихо подула. Сначала ничего не произошло, потом в глубине вспыхнула крошечная искра, за ней другая, и вскоре сухое дерево ответило негромким потрескиванием — одним из самых уютных звуков в доме.

Она поставила на плиту чугунок с водой и подошла к большой деревянной квашне. Подняв льняное полотенце, едва заметно улыбнулась: за ночь тесто поднялось, став лёгким и живым. Осторожно коснувшись его ладонью, она почувствовала привычную упругость, словно здоровалась со старым другом.

Мука легла на стол тонким светлым облаком. Элара без спешки просеяла её, выложила тесто и начала мягко разминать ладонями. Руки давно помнили эту работу сами, и мысли оставались рядом с каждым движением, среди тепла кухни, запаха муки, дерева и дыма, пока за окном понемногу просыпался новый день.

Воздух становился мягче. Где-то в хлеву переступила корова, под крышей коротко шевельнулась птица, и снова стало тихо.

Элара перевела взгляд к окну. Серый свет уже лёг на вершины деревьев за рекой, но до восхода оставалось ещё немного. Скоро проснётся Альдрин, за ним дети, кухня наполнится

голосами, а запах свежего хлеба разойдётся по всему дому. Пока же эти несколько последних минут принадлежали только ей, дому и тому особому спокойствию, которое приходит перед началом каждого нового дня.

Когда подошло время ставить хлеб в печь, Элара услышала знакомый лёгкий скрип половиц в дальней комнате. Дом начинал просыпаться, но она не обернулась сразу.

За долгие годы ей уже не нужно было проверять, кто поднялся. Каждый в доме просыпался по-своему, и она научилась узнавать их ещё до того, как открывалась дверь.

Эйнен никогда не вскакивал резко. Сначала долго лежал, будто собираясь с мыслями, потом осторожно спускал ноги на пол, стараясь не шуметь. Лира, наоборот, почти всегда что-нибудь роняла или принималась искать свою куклу. Альдрин же вставал сразу, привычно и без лишних движений.

Сейчас это был Эйнен.

Дверь приоткрылась, и в кухню выглянула взъерошенная мальчишеская голова. Волосы после сна торчали в разные стороны, но в глазах уже не осталось сонливости.

— Доброе утро, мама.

Элара улыбнулась.

— Доброе утро.

Эйнен вошёл, запахивая рубаху, и сразу остановился у печи, подставляя ладони теплу.

— Сегодня прохладнее.

— Немного. К полудню снова станет тепло.

Он кивнул и перевёл взгляд на стол.

— Уже скоро?

— Если ты про хлеб, то да.

Мальчик улыбнулся.

Элара знала эту улыбку. Он ждал не хлеба. Ждал, когда проснётся отец, надеясь, что сегодня снова сможет пойти с ним работать. Он редко просил дважды, и после каждого «не сегодня» просто ждал следующего утра.

Сделав вид, что не замечает его взглядов в сторону спальни, Элара спросила:

— Поможешь?

— Конечно.

Она протянула ему деревянную миску.

— Отнеси на стол. Только аккуратно.

Эйнен взял её обеими руками с такой серьёзностью, словно ему доверили настоящее дело.

Пока он накрывал на стол, Элара достала кружки, разложила ложки и поставила глиняный кувшин с молоком. Они почти не разговаривали — каждому и без слов было известно, что нужно делать.

Из соседней комнаты донёсся тихий шорох.

Потом ещё один.

Дверь открылась шире, и на пороге появилась Лира. Босая, с крепко прижатой к груди тряпичной куклой, она несколько секунд смотрела на мать, а потом подошла и уткнулась лицом ей в плечо.

— Доброе утро, — тихо сказала Элара, погладив дочь по волосам.

Лира что-то сонно пробормотала.

— Ты опять как медвежонок, — усмехнулся Эйнен.

Не поднимая головы, Лира показала ему язык.

— Я видела, — серьёзно сказала Элара.

Девочка нехотя отстранилась, бросила на брата притворно сердитый взгляд и всё же улыбнулась.

В доме словно стало светлее. Не изменились ни огонь в печи, ни серое небо за окном — изменились голоса. Тишина уступала место жизни: негромким шагам, тихому смеху детей, стуку деревянной посуды и запаху хлеба, начинавшего золотиться в печи.

Несколько секунд Элара просто смотрела на детей.

Эйнен что-то негромко объяснял сестре, показывая, как ровнее поставить кружку, а Лира слушала его с полной серьёзностью.

Из дальней комнаты слышались уверенные шаги.

Дверь открылась, и на пороге появился Альдрин.

Он уже успел умыться; влажные волосы были зачёсаны назад ладонью. Окинув кухню взглядом, он сразу заметил накрытый стол, детей и хлеб, поднимавшийся в печи.

— Доброе утро.

— Доброе, — почти одновременно ответили Элара и дети.

Лира первой подошла к нему. Альдрин наклонился, легко поднял её на руки, и девочка сразу устроила голову у него на плече, словно это было её привычное место.

— Всё ещё спишь? — тихо спросил он.

Она сонно кивнула.

— Тогда придётся проснуться. Иначе брат съест весь хлеб без тебя.

Эйнен возмущённо посмотрел на отца.

— Я не съем.

— Нет?

— Только если он будет очень вкусный.

Альдрин рассмеялся.

— Значит, всё-таки съешь.

Лира тоже улыбнулась. Альдрин осторожно опустил её на пол и потрепал сына по волосам.

— А ты уже на ногах.

— Я давно проснулся.

— Вижу.

Эйнен невольно расправил плечи.

Тем временем Элара достала из печи первый каравай. Густой тёплый аромат сразу наполнил кухню. Хлеб ещё тихо потрескивал, отдавая жар.

Дети одновременно повернули головы.

— Не раньше завтрака, — сказала Элара.

Эйнен тяжело вздохнул.

— Я только понюхаю.

— Это разрешается.

Эйнен подошёл ближе, глубоко вдохнул и улыбнулся.

— Каждый раз одно и то же, — тихо усмехнулся Альдрин.

— Потому что каждый раз пахнет по-разному, — серьёзно ответил мальчик.

Кухня ненадолго притихла.

Альдрин внимательно посмотрел на сына.

— Наверное, ты прав.

Элара переложила хлеб на деревянную доску, накрыла чистым полотенцем и сказала:

— Садитесь. Сейчас всё будет готово.

Пока Элара разливала молоко по кружкам, Альдрин машинально придвинул лавку ближе к столу. Лира уже устраивалась на своём месте, осторожно усаживая рядом куклу. Эйнен ещё раз проверил, ровно ли стоят кружки, и только после этого сел сам.

За окном становилось светлее. Серое предрассветное небо постепенно уступало место мягкому утреннему свету.

Когда всё было готово, Элара сняла с хлеба льняное полотенце. Из-под него сразу поднялся густой аромат свежей корочки, горячего мякиша, печи и тёплого молока. На несколько мгновений никто не произнёс ни слова.

Она поставила каравай в середину стола. Хлеб ещё тихо потрескивал. Элара взяла нож, ненадолго задержала руку и лишь потом разрежала первый ломоть.

Альдрин молча ждал.

Тонкая корочка негромко треснула под ножом, открывая светлый, ещё влажный мякиш. Первый ломоть лёг на тарелку мужа, затем Элара нарезала хлеб детям и только после этого — себе.

— Мам, — тихо сказал Эйнен, — он сегодня выше.

Элара посмотрела на каравай и улыбнулась.

— Наверное, ночь была доброй.

Лира сразу подняла голову.

— А бывают сердитые ночи?

— Бывают, — ответил Альдрин. — Когда ветер всю ночь бьётся в стены, дождь стучит по крыше, а утром печь никак не хочет разгореться.

Лира серьёзно кивнула.

— Тогда сегодня ночь добрая.

— Очень добрая, — согласилась Элара.

Несколько минут за столом слышались только негромкие звуки завтрака. Дети дули на горячий хлеб, Альдрин неторопливо пил молоко, а за окном одна за другой просыпались птицы.

Эйнен ел быстро, но время от времени украдкой поглядывал на отца.

Альдрин замечал эти взгляды и молчал.

Элара тоже ничего не говорила.

Лира первой нарушила тишину. Она осторожно отломил маленький кусочек мякиша и положила его рядом со своей куклой.

— Ей тоже нужно завтракать.

Эйнен тихо фыркнул.

— Она не умеет есть.

— Просто ты не видел.

Альдрин улыбнулся.

— И что она любит больше всего?

Лира задумалась.

— Тёплый хлеб... и мёд. Но мёд только по праздникам.

Элара тихо рассмеялась.

— Хороший вкус.

Улыбнулись все.

Некоторое время Эйнен молча вертел в руках корочку хлеба. Несколько раз он собирался заговорить, но снова принимался за завтрак, а Альдрин спокойно намазывал масло на ломоть, словно ничего не замечал. Наконец Эйнен всё-таки решился.

— Пап...

Альдрин поднял взгляд.

— Да?

Мальчик чуть помедлил.

— Ты сегодня опять пойдёшь к изгороди?

— Пойду.

Эйнен кивнул, опустил взгляд в тарелку и после короткой паузы спросил:

— Можно... с тобой?

Ли́ра сразу обернулась к брату, а нож замер в руке Элары.

Альдрин не ответил сразу. Сделал ещё один глоток молока, поставил кружку на стол и только потом спросил:

— Как ты думаешь, зачем я беру человека с собой на работу?

Эйнен растерялся.

— Чтобы... помочь.

— Помочь — это хорошо. Но этого недостаточно.

Мальчик задумался.

— Чтобы одному было легче?

— Иногда и поэтому.

Ненадолго воцарилась тишина.

— А ещё? — мягко спросил Альдрин.

Эйнен нахмурился.

— Не знаю.

Альдрин слегка улыбнулся.

— Я беру человека с собой, чтобы однажды он смог сделать эту работу без меня.

Эйнен внимательно слушал.

— Если идёшь просто посмотреть — пользы мало. Если идёшь работать — это совсем другое.

Мальчик крепче сжал корочку хлеба.

— Я буду работать.

— Я знаю.

Эйнен невольно расправил плечи.

Элара украдкой улыбнулась.

— После завтрака возьмёшь рабочие рукавицы, — сказал Альдрин. — Только не праздничные, а те, что мы чинили весной.

— Хорошо, — быстро ответил Эйнен.

— И надень куртку потеплее. У реки утром ещё прохладно.

— Хорошо.

Ответ прозвучал так поспешно, что Ли́ра тихо хихикнула.

— Ты даже не дослушал.

Эйнен смущённо пожал плечами.

— Я и так всё понял.

— А если папа сказал бы надеть ведро на голову?

Мальчик задумался.

Альдрин усмехнулся.

— Тогда сначала пришлось бы спросить зачем.

Ли́ра звонко рассмеялась. Следом улыбнулись Элара и Эйнен.

Солнечный луч медленно добрался до подоконника, осветив глиняный кувшин, край льняной скатерти и золотистую корочку хлеба.

Альдрин взглянул в окно.

— День будет ясный.

— Значит, изгородь закончите? — спросила Элара.

— Если земля не окажется твёрже нашего упрямства.

— Тогда у неё мало шансов.

Он едва заметно улыбнулся.

Эйнен молча переводил взгляд с отца на мать.

Завтрак подходил к концу.

Элара поднялась, поправила в печи полено и поставила сверху небольшой чугунок.

— Мука ещё осталась? — спросил Альдрин.

— На несколько дней хватит.

— После ярмарки привезу ещё мешок.

Она кивнула.

Лира допила молоко.

— А сегодня можно к реке?

— Если закончишь свои дела.

— Я быстро.

Эйнен улыбнулся.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что быстро заканчиваю.

— Вчера ты целый час искала куклу.

Лира крепче прижала игрушку к груди.

— Она не потерялась. Она гуляла.

— Сама?

— Конечно.

— И вернулась тоже сама?

— Нет. Я её встретила.

Альдрин покачал головой.

— Хорошо, что нашла дорогу домой.

— Она маленькая. Одна далеко не уйдёт.

На кухне снова раздался тихий смех.

Элара поставила перед мужем небольшую миску с мёдом.

— Попробуй.

Он обмакнул хлеб в густой янтарный мёд.

— Липовый?

— Последний горшочек.

— Хороший год был.

— Хороший.

Несколько секунд никто ничего не говорил.

За окном окончательно наступило утро. Солнечный свет лёг на двор, коснулся влажной травы, старого колодца и молодых яблонь, а через открытое окно потянуло прохладой реки и свежей землёй.

Альдрин поднялся из-за стола.

— Пора.

Он сказал это так буднично, что дом словно сразу перешёл к новому ритму.

Эйнен вскочил почти сразу, но, вспомнив слова отца, снова сел, аккуратно поставил пустую кружку на стол и только потом поднялся.

Альдрин заметил это и едва заметно кивнул.

Пока отец надевал рабочую куртку, Эйнен уже искал свои рукавицы, стараясь не перепутать их с праздничными. Лира проводила их до двери, всё так же прижимая к себе куклу, а Элара молча поправила мужу воротник.

— Не задерживайтесь к обеду.

— Постараемся.

Альдрин открыл дверь, и в дом вошёл прохладный утренний воздух, пахнувший травой, влажной землёй и рекой.

Он вышел первым.

Эйнен поспешил следом, изо всех сил стараясь подражать отцу.

Элара ещё несколько мгновений смотрела им вслед, пока две фигуры не скрылись за поворотом тропинки.

Дверь медленно закрылась, и кухня снова погрузилась в привычную тишину.

Элара не спешила отходить от порога. Она смотрела в окно, пока две фигуры не скрылись за яблонями, и только потом вернулась к столу, где ещё стояли кружки, деревянные тарелки и почти целый каравай.

Лира тоже подошла к окну.

— Они уже далеко?

— Нет, — ответила Элара после короткой паузы. — Просто отсюда тропинка кажется длиннее.

Девочка ещё немного постояла, прижимая к груди куклу, потом отвернулась и стала помогать матери собирать посуду.

Элара никогда не просила детей помогать ради самой помощи. Если что-то можно было сделать вместе, они делали это вместе.

— Осторожнее, — сказала она, передавая Лире небольшую глиняную миску. — Она скользкая.

Лира крепко взяла её обеими руками.

— Не разобью.

— Я знаю.

Девочка осторожно поставила миску возле кадки с водой и облегчённо выдохнула.

— Получилось.

— Получилось, — с улыбкой ответила Элара.

Несколько минут они молча занимались привычными делами. Вода тихо плескалась в кадке, льняное полотенце впитывало последние капли с вымытых кружек, а солнечный свет медленно переползал по полу.

Лира время от времени поглядывала на дверь.

— А папа скоро вернётся?

— После работы.

— Это долго?

— Когда ждёшь — долго. Когда работаешь — быстро.

Лира серьёзно кивнула.

— Тогда я тоже буду работать.

— И чем же?

Девочка огляделась.

— Полью цветы у крыльца. И покормлю кур.

— Думаю, куры будут довольны.

— Они всегда довольны.

Элара тихо рассмеялась.

Покончив с посудой, она вытерла руки, убрала горшочек с мёдом в прохладный шкафчик и ещё раз окинула взглядом кухню. Всё снова оказалось на своих местах.

Лира уже выбежала на крыльцо, но почти сразу вернулась.

— Цветы хотят пить.

— Тогда не заставляй их ждать.

Девочка важно кивнула, взяла маленькую деревянную лейку, которую отец сделал для неё прошлой весной, и снова выбежала наружу.

Через открытую дверь доносился её негромкий голос — Лира что-то серьёзно рассказывала цветам.

Элара остановилась у окна.

Во дворе неторопливо расхаживали куры, кошка грелась на солнце, а ветер тихо шевелил листья молодых яблонь.

Где-то за садом размеренно застучал топор.

Элара сразу узнала этот звук. Альдрин с Эйненом уже добрались до изгороди.

Она невольно улыбнулась.

Отвернувшись от окна, Элара принялась за свои дела. Нужно было замесить тесто для завтрашнего хлеба, перебрать сушёные травы, проверить воду в кадках и вынести на солнце выстиранные полотенца.

День входил в своё привычное русло.

За окном Лира старательно поливала цветы, то и дело отвлекаясь на яркую бабочку, присевшую на лепесток, но всякий раз вспоминала о своём важном поручении и снова бралась за лейку.

Элара улыбнулась дочери.

Утро окончательно вступило в свои права. Солнце поднялось над лесом, золотя влажную траву, брёвна дома и молодые яблони, а от реки ещё тянуло прохладой.

За изгородью размеренно стучал топор.

Иногда вслед за ним доносился негромкий голос Альдрина, затем наступала короткая пауза, и раздавался новый удар — уже Эйнена.

Элара вынесла во двор корзину с бельём и начала развешивать полотенца. Белая ткань медленно наполнялась ветром.

Лира, закончив с цветами, присела на тёплые ступени крыльца и стала наблюдать за большим шмелём.

— Он тоже работает, — тихо сказала она.

— Работает, — улыбнулась Элара.

— И не отдыхает.

— Иногда отдыхает. Просто мы этого не видим.

Лира серьёзно кивнула.

Со стороны изгороди вдруг послышался звонкий смех Эйнена.

Элара подняла голову.

Она не различила слов, но улыбнулась и снова принялась за бельё.

День только начинался.

Альдрин учил сына работать у старой изгороди. Элара занималась домом. Лира разговаривала с цветами и шмелями. Над двором медленно поднималось летнее солнце.

Дом жил своим привычным ритмом.

Именно из таких дней складывалась жизнь.

Легенды рождались не здесь.

Летописцы не записывали таких дней.

Глава 2. Дом, который ждал

Утро уже поднялось над деревней, когда Альдрин и Эйнен вышли со двора, оставив позади дом, из трубы которого ещё поднималась тонкая струйка дыма. Оглянувшись лишь однажды, мальчик увидел Элару, стоявшую на крыльце с распахнутой дверью, и Лиру с маленькой деревянной лейкой, терпеливо ожидавшую, когда мать скажет, какие цветы полить первыми.

Тропа начиналась сразу за калиткой, огибала молодой яблоневого сада, спускалась к реке, а затем вновь поднималась к окраине деревни, где вдоль дороги тянулась старая изгородь, давно требовавшая ремонта.

Альдрин шёл впереди своим обычным размеренным шагом, а Эйнен то и дело переводил взгляд с отца на дорогу, на реку, где уже отражалось светлое небо, на высокие травы, сверкав-

шие росой, и снова на связку инструментов, которую нёс на плече с такой серьёзностью, словно ему доверили настоящее сокровище.

У Альдрина в руках были только топор и выструганный ещё вечером деревянный колышек, всё остальное нёс сын. Ноша была нетяжёлой, но впервые отец взял его не посмотреть на работу, а работать вместе с собой, и эта простая мысль согревала сильнее утреннего солнца.

Они почти не разговаривали.

Молчание между ними было привычным. Альдрин всегда сначала давал человеку освоиться с дорогой и собственными мыслями, а Эйнен уже успел понять эту особенность отца и спокойно шагал рядом, стараясь не нарушать его размеренного шага.

Деревня понемногу просыпалась. Где-то негромко скрипнула калитка, за плетнём переговаривались куры, вдалеке протяжно замычала корова, а над дорогой стремительно пролетели две ласточки.

Альдрин заметил, как сын проводил их взглядом, но ничего не сказал. Он лишь подумал, что мальчик ещё умеет замечать то, мимо чего взрослые проходят не останавливаясь, и не видел причин лишать его этого слишком рано.

Когда тропа вывела их к старой изгороди, Альдрин остановился. Не спеша оглядел потемневшие столбы, покосившиеся жерди и разошедшееся плетение, через которое свободно проходила мелкая живность, воткнул топор в старый пенёк и только тогда сказал:

— Любая работа начинается не с рук.

Эйнен поднял на него взгляд.

Альдрин провёл ладонью по шероховатому дереву ближайшего столба.

— Сначала нужно понять, что именно здесь просит твоей помощи.

Издали изгородь казалась просто старой. Вблизи Эйнен различил, как по-разному коснулось её время.

Альдрин пошёл вдоль изгороди, иногда касаясь дерева кончиками пальцев, нажимая ногой на землю возле столба или приподнимая ослабевшую жердь.

— Этот простоит ещё долго.

Через несколько шагов коснулся другого.

Звук оказался глухим.

Альдрин слегка качнул столб.

— А этот уже устал.

Эйнен присел рядом.

— Они ведь почти одинаковые.

— Почти, — спокойно согласился Альдрин. — Именно поэтому нельзя доверять только глазам.

Он вынул из-за пояса нож, снял у основания тонкую полоску коры, и под ней открылось тёмное, рыхлое дерево. Лезвие вошло легко.

— Видишь?

Мальчик молча кивнул.

— Если заменить только жерди, изгородь ещё немного постоит, а потом всё равно начнёт падать.

Эйнен задержал взгляд на потемневшем срезе. Стало понятно, почему отец начал именно отсюда.

Они прошли ещё немного. Ветер перебирал высокую траву, в стороне перекликались жаворонки, а за изгородью лениво жевала траву старая корова.

Наконец Альдрин остановился возле просевшего участка.

— Ну что, как думаешь?

Эйнен ещё раз внимательно оглядел изгородь, вернулся к накренившемуся столбу, потрогал его ладонью, осторожно толкнул и почувствовал, как тот легко подался.

— Наверное... отсюда.

Альдрин не ответил сразу. Лишь едва заметно улыбнулся, снял с плеча топор и сказал:

— Хорошее начало.

Утреннее солнце поднялось выше, и длинные тени медленно отступали к траве.

Альдрин положил топор рядом с инструментами, опустился на одно колено возле выбранного столба и ладонью раздвинул влажную траву.

— Запомни, — сказал он. — Хорошая работа редко начинается там, где её потом будут видеть.

Эйнен присел рядом.

Из земли выглядывало лишь потемневшее основание столба. Всё остальное скрывали корни трав, прошлогодние листья и рыхлая почва.

Альдрин взял короткую лопатку и несколькими точными движениями начал освобождать основание, складывая землю ровным валиком.

— Если копать как попало, потом будешь вдвое дольше убирать за собой.

Эйнен кивнул и взял вторую лопатку.

Сначала он торопился. Земля летела неровными комьями, осыпалась обратно в яму, а лезвие то и дело натывало на корни.

Альдрин не остановил его. Он лишь продолжал работать рядом, сохраняя спокойный ритм, и вскоре Эйнен незаметно для себя перестал спешить, стараясь уже не сделать быстрее, а сделать аккуратнее.

Когда основание столба было очищено, Альдрин слегка покачал дерево.

Столб ответил тяжёлым, неохотным движением.

— Теперь попробуй ты.

Эйнен обеими руками ухватился за столб и потянул.

Ничего.

Он упёрся сильнее, ещё раз дёрнул, но дерево лишь едва заметно качнулось.

Альдрин улыбнулся.

— Сила нужна. Но почти никогда не первой.

Он положил ладонь на столб и начал медленно раскачивать его из стороны в сторону. Через несколько плавных движений послышался негромкий треск старых корней.

— Теперь.

Эйнен снова взялся за столб.

На этот раз тот неожиданно легко вышел из земли, и мальчик едва не потерял равновесие. Они оба рассмеялись.

Альдрин осмотрел сгнившее основание и протянул столб сыну.

— Посмотри.

Дерево снизу почти рассыпалось в руках.

— Сверху он казался крепким.

— Так бывает не только со столбами.

Несколько мгновений оба смотрели на пустую яму.

Потом Альдрин подошёл к связке новых столбов, выбрал один и протянул его сыну.

Свежая древесина пахла смолой, а светлые годовые кольца отчётливо проступали на срезе.

— А настоящее дело начинается отсюда. Попробуем поставить его так, чтобы человеку после нас не пришлось переделывать нашу работу.

Новый столб уже стоял возле приготовленной ямы, когда Альдрин и Эйнен сделали первый короткий перерыв. Не потому, что устали, а потому, что всякая работа время от времени просит остановиться, чтобы посмотреть на сделанное свежим взглядом.

Альдрин сел на старый пенё, сделал несколько глотков из деревянной фляги и протянул её сыну. Эйнен отпил немного воды и посмотрел на Ясный Брод, над крышами которого уже поднималось солнце, снимая с травы последние капли росы.

Дорога понемногу оживала.

Из-за поворота показался старый пастух Брен, неспешно перегонявший небольшое стадо овец к дальним лугам. Он шёл, опираясь на посох, а собака без единой команды возвращала отбившихся животных обратно.

— Доброго утра, Альдрин.

— И тебе доброго утра.

Брен перевёл взгляд на Эйнена.

— Уже помощник?

— Пора понемногу привыкать.

Старик понимающе кивнул.

— Хорошее время для первых дел. Пока руки ещё не знают спешки.

Он коснулся края шляпы и двинулся дальше, а стадо медленно потекло следом.

Эйнен проводил его взглядом.

— Он знает их всех?

— Конечно.

— Даже без меток?

Альдрин улыбнулся.

— Когда долго живёшь рядом, перестаёшь считать и начинаешь узнавать.

Эйнен задумался над этими словами и снова взялся за работу.

Через несколько минут по дороге появилась Инга с большой плетёной корзиной, из-под льняного полотенца которой доносился тёплый запах свежего хлеба.

— Опять решил всё сделать до осени?

— Если успеем.

— Успеете, — уверенно сказала Инга и посмотрела на Эйнена. — Только смотри, не перерасти отца слишком быстро.

Мальчик смущённо улыбнулся.

Инга достала маленькую тёплую булочку и протянула её ему.

— Возьми. Работать легче, когда в доме с утра хорошо пахнет хлебом.

Эйнен вопросительно поднял глаза на отца.

Тот едва заметно кивнул.

— Спасибо.

— Спасибо скажешь, когда сам начнёшь печь не хуже матери.

Инга рассмеялась и пошла дальше. Запах свежего хлеба ещё долго смешивался с ароматом молодой древесины и влажной земли.

Постепенно дорога становилась всё более оживлённой.

Кто-то вёз на телеге пустые бочки к реке, кто-то нёс молодые жерди, кто-то здоровался на ходу, не задерживаясь.

Эйнен с удивлением заметил, что почти каждый прохожий обменивался с отцом несколькими словами, словно они продолжали разговор, начатый много дней назад.

Из окна дома деревня казалась ему просто множеством крыш.

Здесь же она жила.

Когда солнце поднялось выше, а первый новый столб наконец занял своё место, Альдрин выпрямился и несколько мгновений молча смотрел на сделанную работу. Эйнен стоял рядом, всё ещё сжимая в руках трамбовку, и с едва скрываемой гордостью рассматривал столб, который теперь казался ему почти своим.

В этот момент на дороге показалась Марта.

Она шла неторопливо, опираясь на старую ореховую палку, а в другой руке несла небольшую плетёную корзину, прикрытую льняным полотенцем.

— Мирного дня вашему труду.

Альдριν сразу снял рабочие рукавицы.

— И тебе доброго дня, Марта.

Она подошла к новому столбу, провела ладонью по гладкой древесине и удовлетворённо кивнула.

— Хорошее дерево.

— Орвей привёз его с верхнего склона ещё весной.

— Видно.

Она перевела взгляд на Эйнена.

— Значит, теперь уже работаешь вместе с отцом?

— Учусь.

Марта улыбнулась.

— Это хорошее занятие.

Она поставила корзину на траву и сняла полотенце. Под ним лежали ещё тёплые пироги с творогом и зеленью.

— Испекла утром. Подумала, что вы с рассвета здесь, а работа на пустой желудок долго не спорится.

Альдριν покачал головой.

— Не стоило беспокоиться.

— Стоило. Когда люди работают для всех, деревня должна помнить и о них.

Отец без лишних слов взял пирог, поблагодарил Марту и сразу разломил его пополам, протянув большую часть сыну.

Несколько минут они ели молча.

Потом Марта присела на старый пенёк.

— Знаешь, Эйнен, когда твой отец был почти таким же, как ты сейчас, он тоже помогал чинить эту изгородь.

— Правда?

Альдριν усмехнулся.

— Правда.

— Только терпения тогда у него было куда меньше. Всё хотел доказать, что сможет быстрее взрослых.

— И что?

— К полудню сломал черенок у лопаты, потому что решил, будто земля уступает силе быстрее, чем терпению.

Эйнен рассмеялся.

Альдριν лишь развёл руками.

— Бывает.

— Хорошо, что бывает, — сказала Марта. — Если человек никогда не ошибался в молодости, ему потом трудно понять молодых.

Эти слова заставили задуматься и Альдрину, и Эйнена.

Марта поднялась, поправила корзину.

— Ну что ж, не буду больше отвлекать вас.

Она уже собиралась идти, но остановилась возле Эйнена, поправила выбившуюся прядь волос и сказала:

— Береги руки, мальчик.

— Почему именно руки?

— Потому что добрые руки в деревне никогда не бывают лишними.

Она неторопливо пошла дальше.

Альдрин ещё долго смотрел ей вслед.

— Она всегда такая? — тихо спросил Эйнен.

Отец ответил не сразу.

— Есть люди, которые почти ничего не строят своими руками, но без них всё построенное почему-то становится менее тёплым.

Эйнен ещё долго думал над этими словами, чувствуя, что однажды обязательно поймёт их смысл.

Когда Марта скрылась за поворотом дороги, тишина постепенно вернулась на своё место.

Не говоря ни слова, Альдрин поднял трамбовку, ещё раз проверил новый столб, подсыпал к основанию землю и тщательно утрамбовал её. Эйнен тем временем собрал щепки и аккуратно сложил инструменты так, как отец учил его с самого утра.

Дорога снова зажила своей привычной жизнью. Издали доносился звон кузницы, над крышами кружили ласточки, а от реки тянуло прохладой и запахом молодой ивы.

Вдруг со стороны ближайшего двора послышался быстрый топот, затем чей-то испуганный оклик, и почти сразу на дорогу выскочили три белые гусыни.

Следом за ними, едва поспевая, бежала маленькая девочка.

— Пойдите!.. Ну пойдите же!

Гусыни уже принялись разгребать землю.

Альдрин спокойно поставил трамбовку.

Он лишь кивнул в сторону девочки.

Эйнен сразу понял. Обойдя гусынь, с другой стороны, он широко развёл руки и начал понемногу направлять птиц обратно к дороге. Девочка поспешила ему навстречу.

Получилось не сразу. Одна гусыня попыталась пройти между ног Эйнена, другая снова повернула к яме, а третья остановилась посреди дороги и принялась с важным видом разглядывать мальчика.

Эйнен рассмеялся. Девочка тоже не удержалась от смеха, и даже Альдрин улыбнулся.

Через несколько минут вся шумная компания всё же оказалась по другую сторону дороги.

— Спасибо вам! — крикнула девочка.

— Не нам, — спокойно ответил Альдрин. — Благодарите Эйнена.

Она серьёзно посмотрела на мальчика.

— Спасибо.

Эйнен лишь смущённо кивнул.

Когда девочка скрылась за плетнём, снова послышались только удары трамбовки да шорох осыпавшейся земли.

Потом отец сказал:

— Знаешь... Работу редко прерывает что-то большое. Чаше — вот такие пустяки.

— И что тогда делать?

— Продолжать.

Он произнёс это так спокойно, что Эйнен понял: отец говорит не только о сегодняшней работе.

Мальчик снова взялся за лопату, а деревня вокруг уже вернулась к своему привычному течению, словно несколько шумных гусынь были такой же естественной частью этого утра, как ветер, запах свежего хлеба или звон кузницы.

К полудню вдоль изгороди уже стояли два новых столба, а третий был приготовлен на завтра. Альдрин никогда не любил заканчивать день поспешной работой только ради того, чтобы сделать немного больше.

Он ещё раз прошёл вдоль починенной изгороди, проверил ладонью каждый новый столб, затем смотал верёвку и убрал её в деревянный ящик, где каждый инструмент уже ждал своего места.

Эйнен тем временем собирал оставшиеся вещи. Теперь он почти не задумывался, куда положить лопату, где оставить трамбовку или как уложить клинья: руки постепенно запоминали порядок раньше головы.

Альдрин ничего не сказал. Лишь мельком посмотрел на сына и едва заметно кивнул.

Когда всё было собрано, они остановились перед изгородью.

Перед ними тянулась изгородь. Человек, проходивший здесь впервые, вряд ли сумел бы заметить, где именно сегодня работали их руки.

Эйнен нахмурился.

— Кажется... почти ничего не изменилось.

— Это хорошо, — ответил Альдрин.

— Почему?

Отец медленно провёл ладонью по свежему дереву.

— Самая хорошая починка та, после которой кажется, будто ломалось не здесь.

Эйнен снова посмотрел на изгородь. Новые столбы не выделялись среди старых — они просто продолжали общий ряд, словно всегда были его частью.

Эта мысль показалась ему красивой.

Они взяли инструменты и неторопливо пошли обратно той же дорогой.

На обратном пути взгляд сам задерживался на том, мимо чего утром он прошёл бы не заметив.

Возле кузницы уже стихал звон — Торвальд перешёл к более тонкой работе; у колодца женщины переговаривались, набирая воду, а на площади дети гоняли деревянный обруч, который то и дело подпрыгивал на камнях и норовил укатиться в сторону.

Эйнен заметил, что теперь и сам невольно здоровается почти со всеми.

Утром он чувствовал себя мальчиком, которого отец взял с собой.

Теперь же возвращался домой вместе со всеми, кто закончил свой день.

Когда впереди показался их дом, Эйнен почувствовал знакомый запах ещё раньше, чем увидел открытое окно кухни.

Пахло свежим хлебом, тёплым молоком и сушёными травами.

На крыльце сидела Лира. Она перебирала речные камешки, складывая из них свои узоры, но, услышав шаги, сразу вскочила и побежала навстречу.

— Вернулись!

Она едва не налетела на Альдрина и тут же повернулась к брату.

— Ну что?

Эйнен улыбнулся.

— Один столб почти сам убежал.

Лира широко раскрыла глаза.

— Правда?

Альдрин тихо усмехнулся.

— Нет. Это Эйнен чуть не убежал вместе со столбом.

Лира звонко рассмеялась.

Эйнен хотел возразить, но тоже рассмеялся.

В дверях уже стояла Элара.

Она вытерла руки о льняное полотенце и внимательно посмотрела сначала на мужа, потом на сына.

Её взгляд остановился на ладонях Эйнена — на них уже появились первые красноватые полосы, а под ногтями ещё оставалась тёмная земля.

Она осторожно взяла его руки в свои.

— Ну вот.

— Что?

Она улыбнулась.

— Теперь видно, что день был настоящим.

Эйнен опустил взгляд на свои ладони.

Ещё утром они казались ему просто грязными.

Он видел в них следы своей первой настоящей работы.

За их спинами тихо покачивались молодые яблони, над крышей кружили ласточки, а где-то у самой окраины деревни стояла починенная изгородь, уже ничем не отличавшаяся от остальных и так же спокойно продолжавшая своё дело.

Глава 3. След, ведущий дальше

К вечеру жара понемногу отступила, и над деревней разлился тот особенный свет, который бывает только в конце длинного летнего дня, когда солнце уже перестаёт обжигать землю, но ещё не торопится скрываться за лесом, позволяя всему вокруг немного передохнуть вместе с людьми.

Ясный Брод постепенно менял своё дыхание.

На огородах затихали последние мотыги, из открытых ворот доносилось негромкое мычание коров, возвращавшихся с пастбища, у колодца всё реже появлялись люди с вёдрами, а между крышами лениво стелился запах вечерних печей, свежего хлеба и дыма.

Во дворе дома Эльмар всё шло своим привычным чередом.

Элара хлопотала у открытого окна кухни. В большом чугушке тихо булькал овощной суп, на столе остывал круглый хлеб, рядом стояли миска с творогом и небольшая плошка с мёдом нового сбора.

Лира сидела у распахнутой двери и с самым серьёзным видом одевала свою тряпичную куклу, никак не решая, станет ли та путешественницей или хозяйкой большого дома. Время от времени девочка что-то шептала ей и тут же сама смеялась.

Под старой яблоней Альдрин сидел на низкой скамье, поставив перед собой перевёрнутый табурет. Одна из ножек давно расшаталась, и теперь он осторожно очищал старый паз от засохшего клея маленьким резцом.

Он никогда не выбрасывал то, что ещё можно было починить.

Эйнен принёс из сарая ведро с водой, повесил сушиться полотенце и вернулся к отцу — не потому, что его просили помочь, а потому, что ему самому хотелось посмотреть, как рождается ещё одна незаметная работа.

— Видишь? — тихо сказал Альдрин, не переставая работать. — Если поспешить и вставить ножку сразу, она снова расшатается через несколько дней.

Эйнен присел рядом.

— А если подождать?

— Тогда прослужит ещё долго.

Эйнен взял деревянную ножку. На гладкой поверхности виднелись потёртости, оставленные чужими ладонями за многие годы, а нижний конец почти округлился от бесчисленных прикосновений к полу.

— Старый?

— Старше тебя.

— И ещё не сломался.

Альдрин улыбнулся.

— Потому что его не бросали чинить.

Эйнен медленно провёл пальцем по тёплой древесине. Почти все вещи вокруг были старше него — стол, лавки, дверь сарая, яблоня над их головами, — и именно поэтому дом казался таким надёжным, словно всё здесь давно знало своё место.

Со стороны кухни выглянула Элара.

— Если вы собираетесь разговаривать с табуретом до самой ночи, суп, пожалуй, успеет остыть раньше вас.

— Почти закончили, — ответил Альдрин.

— Ты всегда так говоришь.

Она улыбнулась и снова скрылась в доме.

Лира тут же вскочила.

— Ей тоже хочется есть.

— Тогда ей повезло, — отозвалась Элара. — Сегодня у нас хватит на всех.

Эйнен посмотрел на сестру, потом на родителей и вдруг понял, каким длинным оказался сегодняшний день. Утром они только выходили за ворота с инструментами, потом были работа, деревня, Марта, непослушные гусыни, дорога домой, а теперь всё это уже становилось воспоминанием.

Ему захотелось, чтобы такие дни никогда не заканчивались.

— Идите мыть руки. Ужин готов.

Альдрин поставил починенный табурет на землю, проверил, не качается ли он, поднялся со скамьи, и Эйнен снова отметил про себя, что отец никогда не оставляет работу незаконченной.

Во дворе уже сгущались первые вечерние тени, а в окнах дома горел тёплый золотистый свет.

Когда семья собралась за столом, за окнами уже сгущались летние сумерки, а дом, освещённый тёплым светом масляной лампы, словно ещё теснее собирал своих обитателей под одной крышей.

Элара поставила на стол тяжёлый чугунок с овощным супом, нарезала ещё тёплый хлеб и только потом заняла своё место.

Как и почти каждый вечер, никто не спешил начинать разговор.

Слышались лишь негромкий звон деревянных ложек, потрескивание поленьев в печи да приглушённые звуки деревни, доносившиеся через приоткрытое окно.

Первой заговорила Лира.

Она с самым серьёзным видом рассказывала, как пыталась научить соседского кота сидеть смирно, но тот вместо этого забрался на забор и долго смотрел на неё так, будто именно она вела себя странно.

Элара тихо рассмеялась.

Эйнен тоже улыбнулся, вспомнив, как этот полосатый кот однажды стащил из сарая кусок вяленой рыбы и целый день скрывался где-то возле старой мельницы.

Даже Альдрин едва заметно улыбнулся.

— Мне кажется, кот просто решил, что воспитывать людей легче, чем слушаться их.

Лира нахмурилась.

— Тогда у него плохо получается.

— Возможно, — согласился отец.

За столом снова стало тихо.

Элара поднялась, сняла со шкафа небольшую глиняную банку с сушёными яблоками и поставила её на стол.

По комнате сразу разлился тонкий сладковатый запах позднего лета.

— Совсем забыла. Это Марта сегодня передала. Сказала, что яблоки ещё прошлогодние и их пора доесть.

Ли́ра сразу потяну́лась за кусо́чком.

— Можно?

— Можно.

Елара тожє взяла ломтик, задумчиво повертєла єго в пальцях и негромко сказала:

— Помню, Арден всегда говорил, что сушёные яблоки становятся вкуснее к зиме, потому что успевают вобрать в себя всё лето.

Никто не ответил.

Но Эйнен вдруг почувствовал, что за столом что-то изменилось.

Альдрин очень медленно положил ложку на край миски.

Элара опустила взгляд, словно сама удивилась тому, что произнесла это имя.

Ли́ра, ничего не замечая, продолжала выбирать самый большой яблочный ломтик.

Только Эйнен переводил взгляд с матери на отца.

Он вспомнил старого Хранителя: потёртую кожаную сумку, мягкую походку, тёплые ладони и яблоки, которые тот почти всегда приносил детям.

И вдруг понял, что давно его не видел.

Очень давно.

Ещё несколько месяцев назад встретить Ардена возле кузницы, у мельницы или под старым вязом казалось таким же обычным, как услышать по утрам звон колокольчика у стада.

Когда же это перестало происходить?

Эйнен не мог вспомнить.

Будто отсутствие Ардена вошло в жизнь деревни так тихо, что никто не заметил самого момента, когда привычные встречи закончились.

Он снова посмотрел на родителей.

Элара уже раскладывала хлеб по тарелкам, Альдрин спокойно продолжал ужинать, но теперь Эйнен видел их иначе.

Между ними словно промелькнуло что-то невидимое, понятное взрослым и недоступное ему.

За окном застрекотали первые сверчки.

Дом по-прежнему был наполнен теплом и запахом хлеба, но где-то внутри этого привычного покоя уже появилась маленькая трещина, которую пока видел только Эйнен.

После ужина Элара осталась убирать со стола, негромко переговариваясь с Лирой, а Эйнен почти сразу вышел вслед за отцом. Сам не понимая почему, он чувствовал, что вопрос, родившийся за ужином, уже не даст ему покоя.

Во дворе сгушались сумерки. Старые яблони стояли в ровной синеватой тени, с реки тянуло прохладой и влажной травой, а над крышами ещё кружили запоздалые ласточки.

Альдрин сел на скамью под яблоней, поставил рядом ящик с инструментами, достал старую стамеску и, смочив льняную тряпицу маслом, начал медленно втирать его в потемневшую рукоять, не пропуская ни одной трещинки.

Эйнен устроился рядом. Некоторое время они молчали. За плетнём стрекотали сверчки, где-то закрывали ворота, из дома доносился голос Эллары.

Наконец мальчик тихо спросил:

— Пап... почему Арден больше не приходит?

Рука Альдрина на мгновение замерла. Затем он снова принялся натирать дерево, но движения его стали медленнее.

— У него появились свои дела.

Эйнен нахмурился.

Старый Хранитель всегда находил время остановиться возле детей, помочь человеку на дороге или просто выслушать того, кому хотелось поговорить.

— Но ведь раньше у него тоже были дела.

Альдριν едва заметно кивнул.

— Были.

— Тогда почему он совсем перестал приходить?

Отец не ответил сразу. Он положил стамеску на крышку ящика, разгладил промасленную ткань и только потом поднял взгляд на сына.

— Иногда жизнь уводит человека туда, куда он сам не собирался идти.

Эйнен нахмурился.

Такой ответ ничего не объяснял.

— Он вернётся?

Вечер словно притих. Даже ветер ненадолго стих среди яблонь.

Наконец Альдрин сказал:

— Не знаю.

Эти два слова удивили Эйнена больше всего. Ему всегда казалось, что отец умеет найти ответ почти на любой вопрос.

Разговор закончился, но главный ответ так и не прозвучал.

Раньше вопросов после разговора с отцом почти никогда не оставалось.

Сегодня всё оказалось иначе.

Эйнен посмотрел на Альдрина. Работа давно была закончена, но отец всё так же медленно проводил промасленной тканью по гладкой рукояти, словно эти размеренные движения помогали ему думать.

— Пап, — тихо спросил Эйнен, — а он хотя бы знает, что мы его ждём?

Альдριν не сразу поднял голову. Некоторое время он смотрел на свои ладони, потом осторожно убрал стамеску в ящик.

— Думаю, знает.

Эйнен помолчал.

— Тогда почему никто не говорит, где он?

Над двором повисла тишина. Где-то с крыши сарая скатился засохший лист.

Альдριν глубоко вдохнул.

— Не обо всём человеку полезно знать сразу.

Эйнен нахмурился.

До сих пор отец никогда не говорил с ним так.

— Но я ведь уже не маленький.

Альдριν долго смотрел на сына.

— Именно поэтому я и прошу тебя немного подождать.

Эйнен хотел спросить ещё что-то, но остановился. Впервые за весь разговор ему показалось, что самому отцу сейчас ничуть не легче.

Они снова замолчали.

В доме скрипнула половица, послышались шаги Эллары, закрывавшей ставню, и полоска тёплого света легла на траву.

Эйнен ещё никогда так остро не чувствовал, что молчание тоже может быть разговором.

Он медленно поднялся.

— Спокойной ночи, пап.

Альдριν тоже встал, на короткое мгновение положил ладонь ему на плечо.

— Спокойной ночи, Эйнен.

Мальчик медленно направился к дому, но уже у самого крыльца оглянулся.

Отец всё ещё стоял под старой яблоней, глядя поверх сада туда, где за тёмной полосой деревьев начинался лес. В его неподвижной фигуре было столько тихого одиночества, что Эйнен впервые подумал: возможно, взрослые молчат не потому, что не хотят отвечать, а потому, что для некоторых вещей просто не существует правильных слов.

Когда он вошёл в дом, Элара уже погасила большую лампу, оставив гореть только маленький светильник возле печи.

Лира крепко спала, обняв тряпичную куклу. Элара, складывая полотенце, лишь мельком взглянула на сына и сразу поняла, что после разговора с отцом он вернулся другим.

Она ничего не спросила.

Только ласково провела ладонью по его волосам и сказала, что на столе осталось тёплое молоко.

Эйнен благодарно кивнул, но к кружке не притронулся.

Пожелав матери спокойной ночи, он поднялся на чердак, открыл маленькое окно, выходящее в сад, и устроился на широком подоконнике.

Над деревней медленно поднималась луна. Серебристый свет ложился на крыши домов, старые яблони и тёмную полосу леса за огородами.

Эйнен попытался вспомнить, когда видел Ардена в последний раз.

Сначала казалось — совсем недавно. Но память вдруг начала путаться. Он уже не мог сказать, была ли та встреча нынешней весной или ещё прошлой осенью.

Это удивило его сильнее самого разговора.

Как можно забыть человека, которого ещё совсем недавно встречал едва ли не каждую неделю?

Он закрыл глаза.

Почти сразу вспомнились негромкий смех Ардена, потёртая кожаная сумка, запах сухих трав, яблоки для деревенских детей, неторопливая походка.

Всё это помнилось удивительно ясно.

Не помнилось только одно.

Когда всё это закончилось.

Он открыл глаза.

Лунный свет серебрил крышу сарая, дрожал в бочке с дождевой водой и тихо играл среди листьев яблонь.

Где-то рядом зашелестели листья.

Вдоль изгороди неторопливо пробирался небольшой ёжик.

Эйнен невольно улыбнулся.

Отец всегда говорил: если вечером возле дома появился ёж, ночь будет тихой.

Сегодня действительно всё было тихо.

Только внутри этой тишины уже не осталось прежнего покоя.

Он ещё долго сидел у открытого окна, слушая стрёкот сверчков и далёкий плеск реки, пока не понял, что теперь ему хочется узнать гораздо больше: почему взрослые перестали свободно произносить имя Ардена, отчего отец впервые не смог найти ответа и что произошло такого, после чего вся деревня словно научилась обходить эту тему стороной.

Эти мысли не пугали его.

Они лишь медленно меняли что-то внутри, как ночная прохлада незаметно вытесняет дневное тепло.

Наконец Эйнен закрыл ставню, лёг на постель и почти сразу услышал, как где-то внизу тихо скрипнула входная дверь.

Потом снова наступила тишина.

Когда в доме окончательно стихли голоса, Альдрин ещё долго оставался под старой яблоней. Он не торопился ни убирать инструменты, ни возвращаться в дом.

Ночь медленно вступала в свои права. Лёгкий ветер перебирал листву, принося с реки запах прохладной воды и влажной земли, а над Ясным Бродом одна за другой загорались звёзды.

Альдрин поднял голову.

Он смотрел не на знакомые созвездия, а туда, где за чёрной полосой леса лежали земли, откуда уже много месяцев не приходило ни одной вести.

Ладонь медленно скользнула по грубой коре старой яблони. Под пальцами ощущалась каждая трещина. Дерево старело, но каждую весну снова покрывалось белыми цветами, а осенью щедро отдавало плоды.

Когда-то именно под этой яблоней Арден любил останавливаться после долгих дорог.

Он никогда не входил в дом сразу. Сначала садился на скамью, снимал потёртую кожаную сумку и долго молчал, прислушиваясь к вечерним звукам сада. Потом обязательно спрашивал, как растут дети, что нового произошло в деревне и пережили ли яблони весенние заморозки.

Теперь Альдрин всё чаще вспоминал именно эти разговоры.

Не советы.

Не предупреждения.

А самые обычные вечера, которые тогда казались бесконечными.

Он медленно сел на скамью.

Память снова вернула последнюю встречу: сырой восточный ветер, усталое лицо Ардена, непривычно длинные паузы между словами и взгляд, в котором тревоги было больше, чем когда-либо прежде.

Тогда казалось, что времени ещё достаточно.

Теперь он уже не был в этом уверен.

Из дома донёсся едва слышный скрип половицы.

Наверное, Элара ещё не спала.

Сегодня Эйнен впервые спросил об Ардене. Этого вопроса Альдрин ждал давно. Теперь ответы уже нельзя было откладывать бесконечно.

Он закрыл глаза.

Ему хотелось, чтобы сын ещё хоть немного пожил в мире, где не на все вопросы нужны ответы.

Не сегодня.

Не завтра.

Но однажды и это молчание закончится.

Глава 4. Имя, которого не было

Утро пришло в Ясный Брод тихо и неторопливо, как приходило всегда: сначала едва заметно осветило верхушки старых ив над рекой, затем коснулось росы на высокой траве и лишь после этого проникло в маленькое окно под самой крышей, где спали Эйнен и Лира, ещё не успевшие расстаться с последними обрывками сна.

Дом просыпался постепенно. Внизу негромко скрипнула дверь, послышались осторожные шаги Элары, разводившей огонь в печи, вскоре по деревянным стенам поплыл запах свежего хлеба, горячего молока и сушёных трав, которые она каждый вечер добавляла в чайник.

Эйнен открыл глаза почти сразу. Обычно он ещё некоторое время лежал, прислушиваясь к домашним звукам и гадая, чем сегодня займётся отец, однако теперь первая мысль пришла ещё прежде, чем он окончательно проснулся.

Арден.

Имя возникло само собой. Вместе с ним вспомнился вчерашний разговор под яблоней и странное чувство, с которым Эйнен возвращался домой, понимая, что услышал далеко не всё.

Он сел на постели и посмотрел в окно. Сад уже был залит мягким утренним светом, на яблонях блестела роса, за изгородью перекликались первые птицы, словно новый день ничем не отличался от прежних.

Но сам Эйнен чувствовал, что изменилось не утро.

Изменился он.

Теперь ему хотелось смотреть внимательнее и замечать то, мимо чего раньше он проходил не задумываясь.

Лира ещё спала, крепко обнимая куклу, поэтому Эйнен осторожно поднялся, быстро умылся у крыльца и вошёл в кухню, где Элара уже раскладывала по деревянным мискам утреннюю кашу.

— Доброе утро, — улыбнулась она, ставя перед сыном миску.

— Доброе, мама.

Голос его звучал почти так же, как всегда, но Элара всё равно внимательно посмотрела на него. Ничего не сказав, она положила рядом ломоть ещё тёплого хлеба и привычно пригладила ему волосы.

Через несколько минут вошёл Альдрин. От него пахло влажной землёй, прохладой раннего утра и свежескошенной травой.

— Сегодня будет ясный день. Если ветер не переменится, к полудню станет жарко.

Разговор сразу перешёл к обычным делам. Элара вспоминала про улы, Альдрин — про просевший забор, Лира рассказывала сон о белом телёнке, убежавшем в яблоневый сад, и все улыбались её серьёзным объяснениям.

Со стороны всё выглядело так, будто вчерашнего вечера вовсе не было.

Эйнен несколько раз украдкой посмотрел на отца, но тот разговаривал спокойно, неторопливо завтракал и даже улыбнулся Лире.

И всё же Эйнен уже знал: за этим спокойствием скрывается то, о чём отец пока не готов говорить.

Он снова попытался вспомнить Ардена. Не последнюю встречу и не разговор — просто лицо.

Седые волосы.

Добрые глаза.

Потёртая кожаная сумка.

Но чем сильнее он пытался восстановить остальное, тем быстрее память распадалась на отдельные, не связанные друг с другом образы.

Ещё вчера ему казалось, что он просто давно не видел старого Хранителя.

Теперь впервые возникло ощущение, что он забывает человека, которого совсем не хотел забывать.

Эйнен медленно положил ложку.

Никто этого не заметил. Разговор продолжался, за окном громче перекликались птицы, где-то простучал дятел, с улицы донёсся голос соседа.

Мир оставался прежним.

Только Эйнен больше не был уверен, что видит его так же, как ещё два дня назад.

После завтрака Альдрин вместе с Эларой отправились к огороду поправлять грядки после недавнего дождя. Лира, прихватив маленькую плетёную корзинку, побежала следом, уверяя мать, что сегодня непременно найдёт самую крупную землянику, а Эйнен, сказав, что хочет ненадолго пройтись по деревне, незаметно свернул к улице, по которой раньше чаще всего приходил Арден.

Утро становилось всё теплее. Деревня давно проснулась: где-то кололи дрова, выводили на пастбище коз, у колодца переговаривались женщины, а над кузницей уже поднималась тонкая струйка дыма — к полудню Торвальд снова разожжёт горн.

Эйнен шёл медленно. Он никогда не задумывался, почему выбирает именно эту дорогу, но сегодня ноги сами вели его мимо знакомых изгородей, старых яблонь и домов, которые он мог узнать даже в полной темноте.

Он здоровался со встречными, отвечал на улыбки соседей, пропускал телегу с сеном, но мысли вновь и вновь возвращались к одному имени.

Арден.

Ему хотелось лишь убедиться, что дом старого Хранителя стоит таким же, как всегда. Не потому, что он надеялся увидеть хозяина, — вчерашний разговор оставил ощущение незавершённости, и казалось, стоит взглянуть на знакомое крыльцо, как всё снова станет понятным.

Когда дорога сделала плавный поворот, впереди показался дом.

Он выглядел точно так же, как прежде: потемневшая от времени крыша, знакомые ставни, деревянная скамья у стены, закрытая калитка. Всё было на своих местах.

Именно это показалось странным.

Ещё совсем недавно возле этого двора почти всегда что-нибудь происходило: Арден чинил крышу, перебирал травы, раскладывал на солнце связки сушёных корней, разговаривал с соседями или просто сидел на скамье, наблюдая за деревенскими детьми.

Теперь здесь ничего не происходило.

Тишина выглядела такой привычной, будто жила возле этого дома всегда.

Эйнен попытался вспомнить, когда видел Ардена здесь в последний раз.

Весной?

Осенью?

Перед первым снегом?

Память отвечала лишь разрозненными обрывками, и оттого становилось досадно.

В это время по дороге прошёл старик с охапкой прутьев, пробежали двое мальчишек, затем к колодцу направилась соседка с вёдрами, мимо проехала телега с мукой. Никто не задержал взгляд на пустом дворе.

Будто так было всегда.

Будто никто уже не ждал увидеть здесь человека, которого ещё совсем недавно знала вся деревня.

Эйнен подошёл к калитке.

Она оказалась не заперта. Тихо скрипнула под его рукой и слегка приоткрылась.

За ней всё оставалось таким же ухоженным: незаросшая тропинка, старая бочка у крыльца, кусты мяты под окном.

Казалось, стоит только позвать, и Арден выйдет навстречу, как выходил всегда.

Но Эйнен так и не произнёс его имени.

Он долго смотрел в неподвижные окна.

Солнечный свет ложился на стены, ветер шевелил листья яблонь, неподалёку гудели пчёлы, а деревня жила своей обычной жизнью.

Именно это пугало сильнее всего.

Не отсутствие Ардена.

Не закрытый дом.

А то, что никто, кроме него, словно больше не замечал этой пустоты.

Эйнен медленно отпустил калитку. Она почти беззвучно закрылась, и этот тихий стук почему-то показался ему окончанием чего-то очень важного, хотя он ещё не мог объяснить чего.

Постояв ещё немного, он медленно пошёл дальше по улице, чувствуя, что впервые в жизни Ясный Брод стал казаться ему не совсем таким, каким был ещё несколько дней назад.

Отойдя от дома Ардена, Эйнен не сразу понял, куда идти дальше, и просто пошёл вперёд, позволяя дороге вести себя через деревню, где каждое утро было так похоже на предыдущее, что жители давно перестали замечать её размеренный ритм.

У небольшой площади, где сходились три улицы, рос старый вяз. Под его густой кроной стояла широкая лавка, на которой по утрам почти всегда собирались старики, обсуждая урожай, погоду, работу мельницы и всё, что для них было не менее важно, чем сам разговор.

Сегодня там сидели двое.

Освин, бывший плотник, и Гален, когда-то державший самую большую пасеку в Ясном Броде.

Эйнен хотел пройти мимо, но, услышав знакомое имя, невольно остановился.

— ...давно его не видно, — задумчиво произнёс Освин. — Всё думаю, заглянет ли ещё когда-нибудь...

— Заглянет, наверное... Если дорога позволит, — неторопливо ответил Гален.

Некоторое время оба молчали.

Эйнен сделал ещё шаг и остановился за вязом, не желая подслушивать, но и не находя в себе сил уйти.

— Помнишь, — снова заговорил Освин, — как он... тогда...

Он нахмурился.

— Когда он... ну... тогда ещё...

Слова не приходили.

— Ты про ярмарку? — спросил Гален.

— Нет... кажется, не про неё...

— Когда мост смыло?

Освин покачал головой.

— Нет... раньше...

Он снова замолчал.

Эйнен видел: старик действительно пытается вспомнить.

Не скрывает правду.

Не подбирает слова.

Он ищет воспоминание, которое словно исчезло с привычного места.

— Странно, — тихо произнёс Освин. — Только ведь помнил...

Гален добродушно усмехнулся.

— Со мной теперь тоже так бывает. Думаешь, что сейчас расскажешь целую историю, а потом остаётся только её начало.

Он тоже задумался.

— Хотя ведь... Арден...

Имя прозвучало уверенно.

Но сразу за ним снова наступила пауза.

— Арден... А ведь...

Он долго молчал, потом медленно покачал головой.

— Не знаю. Мне показалось, что хотел что-то сказать.

Некоторое время оба сидели молча.

Эйнену казалось, что сейчас кто-нибудь из них всё-таки вспомнит, но Освин вдруг поднял голову к небу.

— Сегодня, похоже, дождя не будет.

— И хорошо. Пчёлам такой день куда лучше.

Разговор сразу потёк дальше. Старики заговорили о липовом цвете, прошлогоднем урожае мёда, новом колесе мельницы и вскоре уже смеялись над какой-то старой деревенской историей, будто долгих пауз вовсе не было.

Эйнен продолжал стоять неподвижно.

Теперь он понял разницу.

Отец молчал, потому что не хотел говорить.

Эти двое молчали, потому что не могли вспомнить.

Эйнен медленно вышел из тени вяза.

Освин что-то оживлённо объяснял, размахивая рукой, а Гален смеялся, словно несколько минут назад память не исчезла у него прямо посреди разговора.

До сегодняшнего утра Эйнену казалось, что взрослые просто не хотят отвечать на его вопросы.

Теперь впервые появилась другая мысль.

А что, если некоторые ответы исчезают раньше, чем человек успевает их произнести?

Покинув площадь, Эйнен ещё некоторое время шёл без цели. Разговор стариков не выходил у него из головы, вновь и вновь возвращаясь долгими паузами и тем странным молчанием, которое рождалось не из нежелания говорить, а из невозможности удержать воспоминание.

Неожиданно ему пришла простая мысль.

Если память способна подвести человека, то бумага должна помнить лучше.

Он ускорил шаг.

Дом писаря стоял неподалёку от часовни, среди старых лип, и почти ничем не отличался от других деревенских домов, кроме широких окон, через которые в комнату свободно лился дневной свет.

Дверь была распахнута настежь. Из дома доносился запах сухих чернил, старой бумаги, пчелиного воска и полыни.

Писарь сидел у окна, медленно выводя ровные строки в большой книге.

— Здравствуй, Эйнен. Давненько ты ко мне не заходил.

— Здравствуйте.

Писарь сразу заметил, что мальчик пришёл не просто так.

— Что привело тебя сегодня?

Эйнен ненадолго задумался.

— Можно посмотреть старые записи о деревне? Те, где записаны важные события.

Писарь улыбнулся.

— Конечно. Люди редко интересуются тем, что уже прошло, хотя именно там иногда находятся ответы на вопросы, которые ещё не успели появиться.

Он снял с полки тяжёлую книгу и раскрыл её перед мальчиком.

На страницах были записаны паводки, суровые зимы, строительство домов, рождение детей, праздники урожая, болезни скота и десятки других событий, складывавшихся в долгую историю Ясного Брода.

Эйнен листал страницу за страницей, и вскоре взгляд остановился на знакомых словах.

«...по совету Хранителя Ардена...»

Он едва заметно улыбнулся.

Значит, книги ещё помнили.

Но чем дальше он перелистывал страницы, тем сильнее росло недоумение.

Имя Ардена встречалось всё реже.

Эйнен попросил другую книгу.

Потом ещё одну.

И ещё.

Тяжёлые тома ложились на стол один за другим, а ощущение становилось всё тревожнее, словно с каждым новым годом Арден всё меньше участвовал в жизни деревни.

Наконец Эйнен остановился на записи о весеннем паводке, когда старая переправа была разрушена.

Отец много раз рассказывал, что Арден почти не уходил с берега, помогая строить новый мост.

Но в книге его имени не оказалось.

Эйнен перечитал запись ещё раз.

Потом снова.

Имя так и не появилось.

— Странно...

Писарь подошёл ближе.

— Что тебя удивило?

— Мне казалось... здесь должно быть написано ещё кое-что.

Писарь внимательно прочитал страницу.

— Нет. Всё записано как положено.

Эйнен поднял на него глаза.

— А разве Арден тогда не помогал строить мост?

Писарь долго молчал.

— Арден...

Он произнёс имя так, будто давно не слышал его даже от самого себя.

— Конечно... Арден...

Он закрыл глаза.

Прошла долгая пауза.

— Удивительное дело, — наконец тихо сказал он. — Я чувствую, что должен это помнить, но всякий раз воспоминание словно отходит ещё дальше, оставляя только ощущение, что здесь действительно чего-то не хватает.

Сказав это, он спокойно закрыл книгу и поставил её обратно на полку, словно объяснил самую обычную забывчивость.

Эйнен ещё некоторое время стоял среди высоких шкафов.

Совсем недавно ему казалось, что книги хранят память надёжнее людей.

Теперь и эта уверенность исчезла.

Когда он вышел на улицу, тёплый ветер всё так же качал вершины лип, солнце спокойно лежало на крышах домов, а Ясный Брод жил своей обычной жизнью, не замечая, что вместе с одним человеком из неё постепенно исчезает и память о том, что этот человек когда-либо был её частью.

К вечеру воздух над Ясным Бродом стал мягче. Жара уходила вместе с солнцем, уступая место прохладе, поднимавшейся от реки с запахом влажной травы, молодой мяты и яблоневых листьев.

После ужина каждый занялся привычным делом. Альдрин ещё не вернулся с дальнего края огорода, где заканчивал чинить изгородь, Лира, уставшая за день, уснула прямо на лавке, положив голову матери на колени, а Эйнен сидел на широком пороге, наблюдая, как вечерний свет медленно покидает двор.

Элара осторожно подняла дочь на руки, отнесла её в комнату, поправила одеяло, убрала со лба непослушную прядь волос и ещё несколько мгновений постояла рядом.

Вернувшись, она принесла чайник с настоем мяты и чабреца, поставила на стол две глиняные кружки и, заметив, что Эйнен всё ещё молча смотрит в сад, села рядом.

Некоторое время они просто слушали стрекот кузнечиков, шелест старой яблони и далёкие голоса птиц у реки.

— Ты сегодня весь день был задумчивым, — наконец тихо сказала Элара. — Случилось что-нибудь?

Эйнен не сразу ответил.

— Мам... Ты хорошо помнишь Ардена?

На лице Элара появилась мягкая улыбка.

— Конечно помню.

От этих слов сердце Эйнена невольно оттаяло.

— Когда я была совсем маленькой, мне казалось, что он знает ответы почти на все вопросы. Стоило прийти к нему с какой-нибудь детской бедой, как он никогда не смеялся и не говорил, что всё это пустяки, а сначала внимательно выслушивал.

Она улыбнулась воспоминанию.

— Однажды я потерялась в лесу...

Эйнен сразу повернулся к матери.

— Мне тогда было чуть меньше Лиры. Я ушла собирать цветы и так далеко забрела, что перестала узнавать тропинки. Лес становился всё гуще, деревья — всё больше похожими друг на друга, и очень скоро я уже не знала, куда идти.

Она тихо засмеялась.

— Я тогда была уверена, что останусь жить среди папоротников.

Эйнен тоже улыбнулся.

— А потом...

Элара вдруг замолчала.

Улыбка осталась, но взгляд стал неподвижным.

— Потом...

Она нахмурилась.

— Меня нашёл...

Тишина затянулась.

Эйнен молча ждал.

— Странно...

Она словно прислушивалась к собственной памяти.

— Забавно... Я столько раз рассказывала вам эту историю, а сейчас вдруг не могу вспомнить, кто именно вывел меня тогда из леса.

Эйнен почувствовал, как внутри медленно сжалось что-то тяжёлое.

— Ты правда не помнишь?

Элара снова закрыла глаза.

— Нет... Помню лес. Помню цветы. Помню, как плакала. Помню, как увидела наш дом... а всё, что было между этим, словно накрылось лёгким туманом.

Она тихо покачала головой.

— Видимо, годы понемногу стирают даже хорошие воспоминания.

Сказав это, она спокойно поднялась снять с верёвки подсохшее бельё, словно ничего необычного не произошло.

Эйнен остался сидеть на пороге.

Он смотрел, как мать складывает полотенца, расправляет льняные рубахи, снимает маленькое платье Лиры, и именно эта привычность пугала сильнее всего.

Элара даже не заметила, что потеряла часть собственной памяти.

Перед глазами Эйнена один за другим встали сегодняшний разговор стариков и писарь, безуспешно пытавшийся вернуть ускользающее воспоминание.

Теперь всё складывалось в одну цепь.

За околицей послышались шаги Альдрина.

Эйнен поднял голову.

Впервые ему показалось, что разговор с отцом стал не просто желанием, а необходимостью, потому что, возможно, только Альдрин ещё видел происходящее таким, каким оно было на самом деле.

Когда в доме окончательно стихли дневные заботы и за окнами остались лишь шелест листы да ровное стрекотание кузнечиков, Эльмары один за другим разошлись по своим привычным делам.

Лира уснула раньше остальных, ещё не успев договорить матери о найденных днём ягодах. Элара отнесла дочь наверх, поправила одеяло, пригладила волосы и, убедившись, что девочка крепко спит, вернулась вниз. Взяв со стола недошитую рубаху Альдрина, она привычно устроилась у окна.

Эйнен тоже пожелал родителям спокойной ночи раньше обычного. Альдрин сразу понял, что сын поднялся к себе не потому, что устал.

Некоторое время в доме слышались лишь скрип иглы да редкое потрескивание дров. Ещё несколько дней назад эта тишина казалась бы Альдрину самой естественной на свете, теперь же — слишком хрупкой.

— Эйнен сегодня спрашивал об Ардене, — тихо сказала Элара, не поднимая головы от работы. — Наверное, ему всё ещё не даёт покоя его исчезновение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.